

УДК 908

ИСТОРИЯ КАК ПОЛИТИКА, ИЛИ «ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО»¹

Хлынина Татьяна Павловна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Южный научный центр РАН
Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону

В статье уделено внимание попыткам пересмотра региональной истории Северного Кавказа, а также фальсификации ее. Акцентировано внимание на дате основания города Майкоп.

Ключевые слова: история, политика, фальсификация, Майкоп, адыгейцы.

«Заниматься историей, мой дорогой, – это не забава и не безответственная игра. Заниматься историей уже означает знать, что стремишься тем самым к чему-то невозможному и все-таки необходимому и крайне важному. Заниматься историей – значит погружаться в хаос и все-таки сохранять веру в порядок и смысл. Это очень серьезная задача, молодой человек, и, быть может, трагическая».

Гессе Г. «Игра в бисер»

Представления об истории как процессе объективного постижения прошлого за последние полтора – два десятилетия подверглись столь существенной ревизии, что вновь актуализировали проблему природы исторического познания. Как и два столетия назад, в центре внимания профессионального сообщества оказались вопросы принципиальной способности историка отрешиться от бремени современной ему действительности и его возможности увидеть в прошлом не отблески грядущего, а минувшую реальность «так, как она есть» (Л. фон Ранке). Начавшиеся обсуждения показали, что исследователи все чаще рассматривают занятие историей скорее творчеством, нежели совокупностью рациональных процедур; а ее писание (вслед за Г. Гессе) относят к особой разновидности сочинительства, чьим третьим измерением выступает вымысел [1]. Посте-

¹ Работа выполнена в рамках Подпрограммы фундаментальных исследований Президиума РАН «Проблемы социально-экономического и этнополитического развития южного макрорегиона» Программы «Фундаментальные проблемы пространственного развития Российской Федерации: междисциплинарный синтез» на 2009–2011 гг. Проект «Историческое знание и его возможности в обеспечении устойчивого развития южного макрорегиона».

пенно реабилитируется и отвергнутая в XIX столетии идея неизбежной ангажированности историка различного рода политическими и личными пристрастиями при изучении им событий прошлого. При этом и противники, и сторонники этой идеи единодушны в признании все возрастающего воздействия личности историка на создаваемый им образ прошлого, а также сам формат исторического знания. В то же время история позиционируется как влиятельный идеологический ресурс, от грамотного распоряжения которым напрямую зависит судьба страны.

Тем не менее при всей своей революционности ведущиеся в данном направлении дискуссии, по большей своей части, остаются малопродуктивными. Они практически не выходят за рамки узкого академизма и не учитывают тех изменений, которые произошли в жизни современных обществ. Характеризуя последние, польский этнограф Б. Чарнявски отмечает присутствие им ускорение социальных процессов и сужение жизненного цикла создаваемых продуктов; укороченный горизонт прогнозируемых ожиданий, влекущий за собою упрощение социальных структур и личных обязательств; нарастающую одновременность событий в области «мира досягаемости», приводящую к росту числа людей, живущих в разном времени [2]. Быстротечность социальных изменений формирует и особый тип исторических исследований, обслуживающий текущие потребности современных обществ. Неоднородность и несовпадающий темп их развития приводят к доминированию в историческом дискурсе темы цивилизационного многообразия, уходящего своими корнями в глубокую древность, и катастрофы, прервавшей его прогрессивное развитие. Наиболее отчетливо это доминирование просматривается в региональной отечественной историографии, чутко реагирующей на вызовы глобализирующегося мира.

С распадом Советского Союза и исчезновением единого координирующего научного центра региональная историография получила не только возможность самостоятельного видения прошлого, но и столкнулась с необходимостью создания новой истории российских народов. Об издержках и достижениях данного процесса уже написан не один десяток исследований, относящих создаваемое прошлое либо к побочным продуктам формирования обновленного исторического знания, либо к лженаучным изобретениям [3]. Между тем, при всей справедливости высказанных суждений и оценок в полной мере не учитывается та роль, которая отводится новой истории в новых российских субъектах. Она призвана не столько восстановить подлинное прошлое своих народов, сколько стать надежным аргументом в обосновании тех или иных преференций, выдвигаемых современными элитами, и отстаивании сложившихся форм жизнеуст-

ройства общества по «исконным традициям и обычаям предков». Таким образом, речь идет об истории как о разновидности политики, искусстве социального управления, посредством которого прошлое из области некогда свершившегося становится областью возможного, актуальной альтернативой настоящему, а зачастую и инструментом шантажа федерального центра.

Взаимоотношениям прошлого с настоящим, их динамике и нынешнему состоянию, собственно, и посвящена данная статья, автор которой пытается ответить на вопрос о том, неизбежна ли в принципе политизация истории, и существует ли возможность ее минимизации.

На сегодняшний день взаимоотношения, складывающиеся между историей и политикой, уже не представляются столь однозначными и не могут быть сведены к известной формуле о том, что «история есть ничто иное, как опрокинутая в прошлое политика». Существующие между ними связи гораздо глубже и могут быть представлены двумя исследовательскими парадигмами, несущими различную логику разработки конкретных сюжетов. В одной из них социально-исторический контекст задает рамки интерпретации политической реальности. В другой – политический контекст диктует прочтение исторических реалий [4].

Наглядным примером вторжения политики в область прошлого и его активизации являются ведущиеся уже не один год в Адыгее споры относительно даты основания ее столицы г. Майкопа. По мнению противников официальной даты его основания, представленных адыгскими общественными организациями и их союзниками, «в мае 1857 г. на месте уничтоженных во время Русско-Кавказской войны черкесских аулов было основано укрепление Майкоп. Именно с этого укрепления совершались карательные походы русских войск против коренного населения, в ходе которых истреблялись десятки тысяч смирных жителей...». Основание города рассматривается ими в качестве утверждения результатов колониальной войны и оскорбления чувств коренного населения, как «потомков черкесов, подвергшихся геноциду с конца XVIII до начала XX вв.» [5]. Требование празднования Дня города без указания даты его основания было поддержано и учеными республики. Более того, именно статья археолога Н.Г. Ловпаче «К истории основания Майкопа», собственно, и стала катализатором активного неприятия Советом республиканского движения «Адыгэ Хасэ» официальной даты основания города. На это обстоятельство было обращено внимание в информации, размещенной на официальном сайте Черкесского конгресса Адыгеи: «Напомним, данный вопрос уже выносился на рассмотрение Совета организации – летом прошлого (2006 г. –

Т.Х.) года. Однако тогда руководство организации должного внимания к предстоящему празднованию не проявило» [6].

В мае 2007 г. представителями научной общественности на имя президента республики и главы администрации города было направлено обращение, в котором выражалась обеспокоенность планами городской администрации по празднованию 150-летия Майкопа. Выбор ею даты основания города расценивался в нем как решение, вызывающее «серьезные сомнения с научной и морально-этической точки зрения». В качестве главного аргумента ошибочности такой позиции указывалось на факт основания в 1857 г. не города, а «крепости Майкоп в ходе Кавказской войны... На заключительном этапе войны Майкопская крепость сыграла исключительно важную роль, став опорной базой и штаб-квартирой российских подразделений, совершавших военные экспедиции против адыгского населения».

В обращении особо подчеркивалось, что «вышеозначенные планы городской администрации изначально не были направлены на оскорбление адыгов», а являлись «досадным недоразумением, проистекавшим от незнания исторического материала городскими чиновниками». При этом среди 40 чел., подписавших обращение, к его знатокам можно отнести лишь троих из них. Все остальные оказались «патриотами» от филологии, биологии, культуры и музейного дела [7].

В 2009 г. в связи с выходом новой книги Н.Г. Ловпаче, посвященной истории города, дискуссии относительно правомерности даты его основания переместились в новую плоскость. На основании авторского прочтения надписи на Майкопской плите, аттестуемой «самым древним памятником письма на территории бывшего СССР и, естественно, России», город обретает свою древнюю и средневековую историю. Ей, по самым приблизительным подсчетам автора, 3200 лет и, следовательно, столько же ее неутомимым строителям – сегодняшним адыгам. Таким образом, у современного жителя республики появляется не только «возможность в течение 2009–2010 гг. отпраздновать юбилей самого древнего города в России» [8], но и решить уже давно потерявший свою сугубо академическую значимость вопрос о дате основания города. Действительно, почему его возникновение необходимо связывать с моментом закладки русской крепости или деятельностью российской «колониальной администрации», развязавшей «кровавую Русско-Кавказскую войну»? Тем более что появилась научно обоснованная «возможность наконец-то быть услышанными» и преодолеть «навязываемый российскими историками взгляд на прошлое страны как исключительно русское».

Еще одним наглядно осязаемым политическим поводом для оживления «горечи прошлого» стало решение МОК о проведении Олимпиады – 2014 в Сочи. В марте 2010 г. «Джеймстаунский фонд» [9] обратился в МОК с просьбой не проводить Олимпиаду в Сочи в связи с тем, что «неправильно проводить игры на месте трагических событий Кавказской войны XIX века» [10]. Кавказская война была завершена 21 мая 1864 г., когда на территории нынешней Красной Поляны, где планируется проведение Олимпийских игр, был проведен парад царских войск. Обсуждение вопросов, связанных с выбором места проведения Олимпиады, адыгскими общественными организациями началось еще несколько лет тому назад. Так, в феврале 2007 г. на заседании адыгейской республиканской организации «Адыгэ Хасэ» было объявлено, что «Совет организации не намерен выступать против проведения данного мероприятия в Сочи. Однако если местом проведения будет избран Сочи, то российское руководство и весь мир должны знать, на чьей исторической земле проходит олимпиада» [11].

Трагическая судьба местного населения стала в наше время не только объектом пристального внимания исследователей, но и современных общественных организаций. По оценкам специалистов, «в условиях политизированной этничности Кавказская война интерпретируется как событие, нанесшее адыгам непоправимый ущерб. Она трактуется как агрессия имперской России с целью колонизации Северного Кавказа, геноцид, изгнание адыгов с мест их исторического проживания в “дальнее зарубежье”» [12]. С требованием официального признания геноцида адыгов неоднократно обращался в Госдуму РФ и Европарламент Черкесский конгресс – организация, сам факт возникновения которой является наглядной иллюстрацией воздействия истории на современность. Согласно официальному сайту Черкесского конгресса Адыгеи, именно трагические последствия «Русско-Кавказской войны» привели к тому, что только 20 % адыгского этноса проживает в настоящее время на Кавказе, а остальные 80 % являются «изгнанниками, ставшими гражданами других государств».

Осознание необходимости сохранения языка и культуры практически «истребленного народа», о котором за последние тридцать лет написан не один десяток внушительных исследований и защищена не одна диссертация, а также консолидации его на исторической родине явилось причиной создания новой, мобильной общественной организации. Вот как описывает процесс ее становления председатель Черкесского конгресса Адыгеи М. Берзегов: «Такая организация была создана в Республике Адыгея 6 декабря 2004 года группой единомышленников. Мы назвали ее Черкесский конгресс.

Спустя год Черкесские конгрессы появились в двух других республиках – Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, в разных странах мира. Они представляют собой сеть общественных организаций, преследуют одни цели и согласовывают свои действия» [13]. В активе его деятельности «сбор и систематизация около 500 архивных документов периода Русско-Кавказской войны», размещенных на официальном сайте конгресса; обращение 1 июля 2005 г. «с приложением архивных документов в Госдуму РФ с требованием признания геноцида черкесского народа»; «деятельность по сохранению статуса Республики Адыгея в ответ на намерение федеральной власти России ликвидировать республику, отказав черкесам в праве на самоопределение».

Анализ только этих направлений деятельности Черкесского конгресса свидетельствует об активном использовании им исторического прошлого в решении насущных политических задач, одной из которых декларируется «правовое решение черкесского вопроса через признание геноцида мировым сообществом». В данной связи обращает на себя внимание практика апелляции к историческому прошлому. Она не только далека от каких-либо норм научной добросовестности, но и от элементарного уважения к пользователям исторической информации, размещенной на сайте. Начнем с того, что рубрика «Архивные документы», имеющая характерное и предопределяющее их отбор внутреннее название «Документы по геноциду», помимо собственно архивных документов содержит многочисленные извлечения из книги кубанского историка Ф.А. Щербины «История кубанского казачьего войска», резолюции всероссийских научных конференций по вопросам характера противостояния адыгов и России. Такого рода извлечения именуются «историческими источниками». Те же документы, которые действительно таковыми являются, зачастую плохо атрибутированы и не всегда содержат указания на непосредственное место своего хранения. Ни в одном из документов, самый ранний из которых датируется 1728 г., а самый поздний – 1990 г., не находят своего отражения ни разнообразные хозяйственные связи, складывавшиеся в тот период времени между адыгами и русскими переселенцами, ни начавшийся процесс культурного обмена и влияния между ними.

Требования признания геноцида адыгов вновь прозвучали на научной конференции «Сокрытые нации, длящиеся преступления: черкесы и народы Северного Кавказа между прошлым и будущим», которая состоялась 21–22 марта 2010 г. в Тбилиси при непосредственной поддержке «Джеймстаунского фонда» и «Международной школы изучения Кавказа» при Тбилисском государственном уни-

верситете. Ее участниками была принята резолюция, направленная парламенту Грузии с просьбой «признать геноцид черкесского народа Российской империей в XIX веке» [14]. Координационный совет адыгских общественных организаций Кабардино-Балкарии осудил подобного рода обращение, заявив, что адыгский народ «еще в XVI столетии сделал свой выбор в пользу дружбы с русским народом. Наши народы, несмотря на некоторые зигзаги истории, с честью и с достоинством пронесли знамя дружбы и взаимопомощи через века... И сегодня их потомки, безусловно, остаются верными традициям дружбы и братства между народами нашей страны... Мы исходим из того, что проблемы адыгов должны обсуждаться и решаться в нашей стране, в российском правовом поле, без вмешательства со стороны» [15]. Заявление Координационного Совета вызвало обостренную полемику в Интернет-сообществе, обозначив болезненность и неоднозначность данной проблемы для современников.

Показательна не только активность национальных общественных организаций, берущихся за исправление когда-то допущенных «ошибок» прошлого, но и навязывание ими нового взгляда на российскую историю. Так, под давлением общественного движения «Адыгэ Хасэ» из Устава муниципального образования «Город Майкоп» была исключена «некорректная дата основания города – 1857 год». Однако принятое решение, по мнению общественной организации, не может быть признано удовлетворительным, так как «все еще дата 1857 год неправильно присутствует на городских объектах, а также используется на муниципальном телевидении» [16]. «Адыгэ Хасэ» претендует и на объяснение с исторической позиции событий, происходящих в республике. «Если не прямой, то косвенной причиной» произошедшей в Адыгее 25–26 июня драки между жителями с. Вольное и а. Ходзь, в результате которой погиб милиционер, были названы «такие факторы, как установление в Краснодарском крае памятников царским генералам, зверствовавшим во время Русско-Кавказской войны, фальсификация истории адыгского народа в преподавании так называемого кубановедения, установка крестов на территории Адыгеи и многое другое» [17]. Не говоря уже о неправомерности подобного рода оценок, общественная организация не только выходит за рамки законодательно отведенных ей полномочий, но и становится источником дестабилизации ситуации в республике.

Начавшаяся в 2005 г. административная реформа по оптимизации управления и объединению ряда территорий спровоцировала еще один всплеск интереса к прошлому, прежде всего к образованию национальных автономий северокавказских народов. В своем

противостоянии центру активисты Черкесского конгресса Адыгеи взывали к «справедливости и нерушимости решений советской власти по национально-государственному устройству Кавказа в 1920-х гг.». Однако, когда речь заходила о необходимости консолидации адыгов в составе единой республики, решения той же власти признаются не только ошибочными, но и направленными на разобщение и ослабление единого народа.

Нерешенные проблемы прошлого зачастую оказываются поводом к консолидированным акциям и привлечению внимания к современным политическим проблемам. Так, выходом «черкесского вопроса» на новый уровень стало намерение создать в конце 2009 г. «Черкесского правительства в изгнании». Его целью объявляется «возвращение Черкесии к статусу государственной независимости» и объединение адыгов. В достижении поставленной цели будущее правительство намерено опираться на «Декларацию независимости Черкесии» времен Кавказской войны, 1835-го года, и на Декларацию о признании независимости Черкесии, которую Генеральная ассамблея Организации Непредставленных народов приняла в 1996-м году» [18]. Для усиления эмоционально эффекта значимости исконной независимости адыгов в настоящее время широко обсуждается и поэтический вариант «Декларации» 1830 г., известный как «Обращение черкесов к народам Европы» [19].

Как показывают современные исследования, тесное переплетение прошлого и настоящего наиболее характерно для кризисных периодов развития общества. Именно тогда в центре общественно значимого дискурса оказываются категории экзистенциального порядка с высокой эмоциональной наполняемостью, такие, как геноцид, трагедия народа, историческая справедливость. Отдельные моменты исторического прошлого начинают рассматриваться «находящимися в непосредственной причинно-следственной связи с современностью или даже обладают политической реальностью и юридической силой в наши дни» [20]. По оценкам экспертов, динамика напряженности на Юге России пришлась на 1990-е гг. Причиной ее стало «усиление значимости исторического контекста», связанной с ошибками федерального центра в формировании и проведении региональной этнополитики» [21]. Именно в этот период инструментом этнокультурной идентификации северокавказских народов стала историческая память с ее весьма болезненным отношением к событиям Кавказской войны XIX в., национально-государственному строительству и депортациям [22].

В данной связи довольно показательное воздействие на общественное сознание народов фактора, связанного с их депортацией. Так, по наблюдениям современного исследователя, он сообщил «эт-

носоциальному опыту балкарцев новейшего времени элемент исключительности, который не мог не оказать в дальнейшем глубокое и долгосрочное воздействие на все этнополитическое развитие... С принятием Закона о реабилитации репрессированных народов в сознании и политической практике балкарской национальной элиты происходит полное отождествление понятия «реабилитация» с понятием «политическое самоопределение балкарского народа», а набор требований о выполнении этого закона совпал с программой суверенизации Балкарии (а значит, соответственно, Кабарды) и «федерализации» республики» [23].

В свою очередь период активного противостояния власти и действующей оппозиции в Карачаево-Черкесии, который пришелся на 2000–2003 гг., был отмечен начавшейся «мифологизацией истории, удревлением этносов, искажением исторических фактов в интересах тех или иных народов в политических целях – обоснования своего древнего права на земли, на государственность» [24].

В последующие десятилетия удалось достигнуть значительного снижения «исторического» фона конфликтности в регионе, но он все еще остается довольно высоким и во многом провоцируется непродуманными мероприятиями и инициативами той же власти. К их числу можно отнести широко празднуемые в конце 2007 г. юбилеи присоединения северокавказских республик к России. Не говоря уже о научной некорректности и сомнительности оценок подобного рода событий, их политическая непродуктивность оказалась более чем очевидной. Юбилейные мероприятия в Кабардино-Балкарии вызвали протестные реакции со стороны ряда общественных организаций республики. Общественная организация «Черкесский конгресс Кабардино-Балкарской республики» опубликовала заявление, в котором выразила протест против официально принятой формулировки «450-летия добровольного вхождения Кабардино-Балкарии в состав Российского государства» [25]. Аналогичную позицию заняла и адыгейская республиканская организация «Адыгэ Хасэ», выступившая против принятой формулировки «вхождения Адыгеи в состав Российского государства». В своем заявлении она отметила, что «10 лет назад ученый совет Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований провел специальное расширенное заседание с приглашением ученых-историков Северного Кавказа, а также специалистов Российской академии наук. На нем было заявлено, что события тех лет при всей их исторической значимости нельзя рассматривать как присоединение или вхождение. Это – заключение союза, в данном случае военно-политического». Учитывая это, совет поручил исполнителям при составлении заявления следовать выработанным тогда документам,

а также рекомендовал использовать статью кандидата исторических наук С. Хотко «К 450-летию заключения военно-политического союза России и Черкесии» [26].

Часть балкарской общественности посчитала, что праздник – исключительно кабардинский, так как 450 лет назад в союз с Россией вступили адыги (кабардинцы, черкесы и другие адыгские племена), балкарцы же оказались в нем намного позже. В мае 2008 г. по инициативе общественной организации «Совет Старейшин балкарского народа» был организован балкарский праздник, посвященный 180-летию добровольного вхождения Балкарии в состав России.

Различной оказалась и реакция научного сообщества на празднование юбилеев. Так, в Чеченской республике была проведена Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни [27]. В Карачаево-Черкесии научная конференция была приурочена к 180-летию присоединения Карачая к России [28].

Таким образом, история вновь становится разменной монетой в решении политических задач, а политика актуализирует застарелые обиды и нерешенные проблемы прошлого. Однако сложившаяся ситуация не является изобретением сегодняшнего времени, а лишь подчеркивает живую и постоянно действующую связь между «делами дня минувшего и настоящего». Она живет своею собственной жизнью, реагируя на вызовы времени, то затухая, то, напротив, обостряясь. Пытаясь понять амплитуду ее колебаний, историк невольно становится проводником интересов современной ему действительности, нередко забывая о своем профессиональном предназначении. Излишняя драматизация прошлого, превращение его в хаотическое нагромождение катастрофических событий, являющихся результатом злонамеренной воли «колониального режима» и его отдельных представителей, выхолащивают из истории главное – присущие ей смысл и порядок. Тем самым, фактически обрекая современные поколения на жизнь в «непредсказуемом прошлом, дестабилизирующем настоящее». Именно такое прошлое позволяет нынешним политикам реализовывать своекорыстные планы, апеллируя к ужасам заложенного историей «имперского начала» России, и объяснять трудности демократического становления страны.

Подняться над современностью удастся немногим служителям Клио; но попытаться взглянуть на нее как на историческую действительность все же стоит. Ведь именно в этом и состоит предназначение истории и, вероятно, единственная возможность минимизировать ее политизацию.

Примечания:

1. Гессе Г. Игра в бисер. М., 1992. С. 50.
2. Чарнявска Б. Процесс организации: как его изучать и как писать о нем // Этнографическое обозрение. 2010. № 1. С. 8.
3. Петров А.Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 36–59.
4. Боров А.Х. Кабардино-Балкария в XX в.: история и этнополитика // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 65.
5. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. Ростов н/Д., 2009. С. 293.
6. Официальный сайт Черкесского конгресса Адыгеи. URL: <http://circassiangenocide.org/>.
7. Обращение // Личный архив автора.
8. Ловпаче Н.Г. Древний Майкоп. Майкоп, 2009. С. 206.
9. Джеймстаунский фонд (The Jamestown Foundation) – американская неправительственная исследовательская организация, основанная в 1984 г. Своей миссией фонд называет «информирование разработчиков политики и более широкое политическое сообщество о событиях и тенденциях в тех обществах, которые стратегически или тактически важны для США и которые зачастую ограничивают доступ к такой информации». URL: www.nr2.ru/moskow/154144.html.
10. Северо-Западный Кавказ в преддверии Олимпиады 2014: геополитические аспекты информационной войны. URL: geopolitica.ru/Articles/996/.
11. Официальный сайт Черкесского конгресса Адыгеи. URL: <http://circassiangenocide.org/>.
12. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. С. 292.
13. Официальный сайт Черкесского конгресса Адыгеи. URL: <http://circassiangenocide.org/>.
14. Северо-Западный Кавказ в преддверии Олимпиады 2014: геополитические аспекты информационной войны. URL: geopolitica.ru/Articles/996/.
15. www.sknews.ru/.../33372-zayavlen...izacij-kbr.htm.l.
16. «Некорректная» дата // Закубанье. 2010. № 12 (270). С. 3.
17. События в селе Вольное // Там же. С. 1.
18. Правительство Черкесии в изгнании. URL: [www.7kanal.com /article.php3?id=261705](http://www.7kanal.com/article.php3?id=261705).
19. www.djeguako.ru/content/view/226/50/.
20. Боров А.Х. Указ. соч. С. 75.
21. Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Динамика регионального конфликтного процесса на юге России (экспертная оценка) // Социс. 2007. № 9. С. 73.
22. Хлынина Т.П. История, социальная практика и социогуманитарная экспертиза на Юге России // Труды Южного научного центра Российской академии наук. Т.V: Социальные и гуманитарные науки. Ростов н/Д., 2009. С. 187.
23. Боров А.Х. С. 71, 73.
24. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа. С. 279.
25. Черкесский Конгресс Кабардино-Балкарии считает исторически необоснованным празднование 450-летия добровольного присоединения республики к России. URL: <http://circassiangenocide.org/>.

26. Позиция Адыгэ Хасэ Республики Адыгея относительно празднования 150-летия основания г. Майкопа и 450-летия присоединения к России кардинально изменилась. URL: <http://circassiangenocide.org/>.

27. Чеченцы в сообществе народов России. Материалы Всероссийской науч.-практ. конференции, посвященной 420-летию установления добрососедских отношений между народами России и Чечни (г. Грозный, 18–20 декабря 2008 г.). В 2-х тт. Назрань, 2008.

28. Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 180-летию присоединения Карачая к России в 2-х частях. Карачаевск, 2008.

UDC 908

HISTORY AS POLITICS OR THE ART OF THE «IMPOSSIBLE»

Tatiana P. Khlynina

the doctor of historical sciences, leading researcher

Southern scientific Center RAS

Rostov-on-Don, Rostov Region, Russia

Article considers the attempts to revise the regional history of the Northern Caucasus, as well as its falsification. Special attention is attached to the year of Maikop foundation.

Keywords: history, politics, falsification, Maikop, the Adygeis.